

КАЛЕЙДОСКОП ФЕНИКСА

Александр Ядь

Александр Васильевич Ядь Калейдоскоп Феникса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24507569

Аннотация

«Калейдоскоп феникса» – это уникальное издание, собравшее в себе экспериментальные произведения малой прозы. Для произведений характерен сюжет, изображающий мрачные события и катастрофы, трагические изменения человеческого сознания, охваченного страхом и теряющего контроль над собой. Для них типична зловещая, угнетающая обстановка, общая атмосфера безнадежности и отчаяния. Мистичность этих произведений обусловлена стремлением автора разгадать метаморфозы человеческой психики и познать её тайные свойства и патологии, обнажившиеся в «аномальных» условиях. Категории пространства и времени занимают важнейшее место в художественной структуре произведений. В одних пространство замкнуто и ограничено, человек в нём отрезан от мира, и как следствие он сам и его сознание становятся объектом и субъектом пристального анализа. В других замкнутость пространства, физическая, сменяется психологической. Сознание героя всё так же оторвано от мира и сконцентрировано на самом себе, само его существование ощущается как пролог к катастрофе, гибели. Категория времени зачастую не имеет привязки к конкретному хронологическому или историческому моменту. Изображается

момент существования, осознаваемого в канун катастрофы или гибели, который одновременно и компактен, и безграничен. В него вмещается не только агония погибающего сознания героя, но и вся его история: поток пережитых эмоций и воспоминаний.

А – Я

Альтернатива

Безумие

Вера

Господь

Дно

Ересь

Ёж

Желание

Зло

Иголка

Йога

Кома

Лекция

Мертвец

Нога

Огонь

Пустошь

Рок

Смрад

Тлен

Утопия

Фундамент

Храм

Цена
Чаша
Шабошь
Щель
Эликсир
Юла
Яд

ПРАВИЛА ИГРЫ

- И зачем собственно, вы всё это исполняете?
- Это для публики.
- Вы актёр?
- Нет.
- Так кто же, всё-таки, вы такой?
- Кто здесь?

ТРИНАДЦАТЫЙ МЕСЯЦ

Изнутри оболочка мягкая, даже слегка тёплая.

Человек внутри человека, зародыш внутри человека,
внутри зародыша я.

Тюрьма внутри тюрьмы.

Голограмма внутри голограммы.

То расту, то сокращаюсь.

Оратор без языка.

Гость в собственном доме.

Пугающая пустота.

Во снах я становлюсь тем, кем был при жизни.

Изо рта водопадом хлещет по животу, разлагающая панцирь, каша.

Самые кошмарные сны, были злой сатирой на мою реальность.

Я никогда не стану отцом, ни плохим, ни хорошим.

Я никогда не полюблю, и меня вряд ли кто-то полюбит. Я никогда не скажу тех прекрасных слов, какими выражали свою любовь, те самые поэты, герои любовники. Последнее, что я видел, это плачущую маму склонившуюся надо мной. Она всё время повторяла: «всё будет хорошо, всё будет хорошо». Не знаю пыталась она успокоить меня, хотя на тот момент я не понимал, что происходит, или же тем самым хотела сама себя в этом убедить. «Всё будет хорошо» – последняя ложь, которую я слышал. Я не виню родителей. Будь они прокляты, в том, что они отдали меня в этот приют. Тринадцать лет назад я умер, и перестал быть их сыном. Примерно тринадцать лет прошло с того момента, как я перестал быть обычным ребёнком. Заточение в панцире, где не существует ни дня, ни ночи, ни зла, ни добра. Бесконечная темнота, заполненная мраком жужжания незваных гостей, визгом, словно рядом постоянно останавливается один и тот же поезд. Нечеловеческими криками и воплями, шорохами крыс,

невыносимой вонью приюта, запахом хлорки, чистящих порошков, дополняющих ароматом дешёвых женских духов и вкуса безвкусной каши. Скорее всего, кашу варили на воде, она была практически не восприимчива на вкус и ни чем не пахла. Но её пресность отложилась на всю оставшуюся жизнь, так как меня кормят ею тринадцать долгих лет, год за годом, день за днём – на завтрак, обед и ужин. Видимо они думали, что у меня и вкусовые рецепторы отказали – вот и пичкают одним и тем же. Либо экономят на моём положении, зная, что я не смогу никому пожаловаться. И только один раз в год меня кормили всякими сладостями. Тогда я понимал, что сегодня, мой день рождения. Равно как и в этот день, в мой тринадцатый день рождения, на завтрак, после каши, Роза принесла мне кусок яблочного пирога с чаем. Яблочный пирог с хрустящей корочкой, – мой любимый пирог при жизни. Первое время я практически не вставал с постели. Мне приносили кашу и одна из воспитательниц меня кормила. Каждый приём пищи оставлял немало впечатлений, так как вкус каши и металлической ложки переплетался с ароматом духов воспитательниц. Постепенно моё обоняние обострялось, и я начал различать их по аромату духов. Я подметил, что за мной ухаживают три воспитательницы – одна из них имела мягкий ванильный аромат, он придавал еде чувство, будто ешь пирожное. Другая же имела терпкий крепкий запах, который не поддаётся моему описанию, вероятно, она была в возрасте и душилась старыми испортив-

шимися духами, от которых меня выворачивало до тошноты. У третьей же был аромат напоминающий мне мои прогулки в саду приюта. Аромат свежести, росы, полевых цветов и был пронизан тонким, почти незаметным оттенком розы. Её аромат нравился мне больше всех, и я решил дать ей имя: «Роза». Спустя время меня начали выводить на прогулку. Со стороны это выглядело так, будто выгуливают собаку. Как только меня выводили за порог приюта, я тут же падал на четвереньки. Чтобы руками прочувствовать теплоту земли и гулял так по полянке, под невидимым тёплым солнцем, рыща всюду носом в поисках нового, свежего аромата, либо для нахождения никому не нужных безделушек, потерянных в гуще травы. Когда я стал чаще вставать с кровати, Роза принесла мне палку, с которой обычно ходят лишившиеся зрения, для ориентирования в пространстве. Я назвал её «волшебной», и мы вместе с воспитателями начали осваивать это самое пространство. Через полгода я уже без присмотра мог перемещаться по территории приюта. Начал сам ходить в столовую, душевую, да и на прогулку было удобней выходить на двух ногах. Они начали поручать мне мелкую работу. Давали мне влажную тряпку в руку и подводили меня к рабочему месту. В основном я протирал окна, мыл умывальники и раковины, вытирал пыль с книжных полок. Мне нравилось убираться, это хоть как-то отвлекало меня от гнетущей темноты. Я прогрессировал и постепенно принимал облик подобный человеку, мне начали приносить книги, ко-

которые обычно читают те, кто перемещается в пространстве с помощью такой же «волшебной» палочки, как и я. Воспитатели научили меня ими пользоваться. Чем больше я постигал загадочный и необъятный мир литературы, тем яснее видел истинную маску, моего туманного существования. Явно несоответствующей жизни, описываемой в этих книгах. С каждой новой прочитанной книгой моё тело испытывало навязчивое чувство опустошения, переходящее в истощение. Но они мне больше ни к чему. Слова давно уже утратили для меня смысл. За то время, что я нахожусь в приюте, мой окаменелый язык не проронил ни слова, равно как и залитые уши, ледяным бетоном, не услышали слова в ответ. Воспоминания стали моими новыми друзьями, после найденных мной в саду камней. Даже самые трагические моменты, всплывающие, как трупы по весне на карьере, насыщали моё тело энергией больше, чем эта отвратительная каша на завтрак, обед и ужин. Я начал вспоминать своё маленькое, но полное радости жизни, разнообразия форм и красок – детство. Я вспомнил, что забыл его, то время когда был весёлым, беззаботным, незнающим страха и боли ребёнком – счастливым сыном любящих родителей.

Я не помню своего лица.

Я впервые задумался о самоубийстве.

Я перестал есть, на завтрак, обед и ужин.

Мысли грызли пустоту.

Я перестал вставать с постели.

Я опять умирал.

Умирал второй раз за свою жизнь.

Вонь приюта подпирала горло, становилась более вязкой и густой, невыносимой.

Существование опротивело мне.

Я мёртв.

Я чувствую, что в комнате никого нет.

Я встал с кровати.

Я подошёл к письменному столу воспитателя.

Вонь не отвлекала меня.

Я сел на стул.

Я взял карандаш и листок.

Я прощаюсь с Вами.

Я иду к окну.

Я нащупал щеколду.

Войдя в комнату, она увидит распахнутое окно, стихийно охватит взглядом комнату. Медленно, со страхом подойдёт к окну. Ужас увиденного душит ей горло. Рыдая и вопя от горя, она побежит за мужем. Во дворе они найдут бездыханное тело своего сына сжимающего в руке лист бумаги с неразборчивыми каракулями.

ОНИ

Шёл слабый ветер. Истощенный изнурительной, непре-

рывной войной с безжалостной жарой, не дающей отпор уже не одну неделю. Герой, не покидающий поле боя, в одиночку, из последних сил, отважно боролся с беспощадным врагом, ожидая подмогу, пока те двое бегали и веселились. Они не замечали ни войны, ни времени. Слепцы, увлеченные своей необычной игрушкой, взвалившей, тяжким, непосильным грузом на уставшие плечи. Готовясь к последнему рывку воин, притих, сделал жадный вдох и затаил дыхание. Загробная тишина, и даже птицы перестали щебетать. Путник остановился передохнуть после бесконечной дороги. Растянулся по теплой, прогретой земле, и начал было дремать, пряча, высохшие глаза от жгучего солнца. Хрипел и сопел он от усталости и горя, пронзавших дряхлое тело миллиардами раскалённых игл, оставляющих глубокие, кровоточащие раны. Старый раб, смолоду наказанный жестоким надзирателем за непослушание. Он позорно, на глазах у других мучеников, отрубил ему руки, отрезал язык и веки, а ноги заковал в неподъёмной тяжести кандалы. – Беги куда глаза глядят – насмеялся надзиратель. – Ты свободен! Подгоняемый плетью воспоминаний, бродил он по миру, от одной деревушки к другой. От пустыни, к пустыни. Клацая зубами в такт шагов волочит за собой мёртвые куски железа и смотрит на мучение других. Заглядывая в каждое окно, подглядывая через самую крошечную щель за их обитателями. Под свист хлыста они забывали про него, про его историю. Не отрываясь от работы лишь тяжело вздыхали, увидев плетущегося в да-

ли замученного старика. Он лишь жалел их, жалел себя. Разделял их счастье и сочувствовал горю. Рад бы многое позабыть, хотя бы тысячную долю увиденного. Сердце всё помнит. Глаза всё глядят. Спустия столько лет, поседев и огрубев, он смотрел на них, на их жизнь, как смотрит на очередной проходящий мимо поезд, высаженный когда-то безбилетный пассажир. Змей словно поражённый, ударом копья, корчился в недрах затихшего океана. Судорожно извиваясь, жадно выхватывая, зубастой пастью, предсмертные глотки, валился на землю. В их сердцах безнадёжно умирала надежда, при виде того, как змей загибался, склонив голову. Но вера была настолько велика, что не давала подобраться даже самой крохотной мысли о том, что чудо, которое они так долго ждали, так неожиданно и подло закончится. Бегали, не давая змею пасть, быстрее и настойчивей, с упорством врачей, спасающих жизнь экстренно поступившего пациента. Передавая из одной затёкшей руки в другую, тело умирающего. Не замечая свирепое, большое чудовище, мучительно выползающее из-за горы. Задние лапы оторваны. Массивными когтями передних царапает нежное покрытие кристальной глади, рыча и визжа от ноющей боли. Выдох. Подскокивший, будто пробудившийся от дурного сна, путник бешено заметался, жадно охватив пронзительным взглядом, подчиняя своей никчёмной власти эту живую, насквозь пропитанную смертью землю и помчался прочь, не обращая внимание на режущие ноги кандалы. Воин, заметив приближе-

ние подмоги, расправил плечи и мощным потоком подхватил змея, давая сил подняться. И он поднялся и понесся, потянув скользкую шею к солнцу. С ребячьим, игривым настроением, от которого они испытывали дикий восторг, после столь горького, мимолётного и такого нового для них переживания, что кровь струившаяся по их венам мечтала разорвать их в клочья. Они были юны и беззаботны. Им казалось, что всю жизнь они будут вот так бегать и веселиться. Погоняемые воином трусы разбежались в разные стороны, словно золотоголовые тараканы, по всем углам, испуганные, настигнутые врасплох неожиданно включенным светом, сверкая вдалеке дрожащими, блестящими пятками, оставляя поднятую пыль. Всё мельче, мельче и наконец исчезают. Воин яростно свистит им вслед. Из-за своей детской рассеянности они не обратили внимания, что приближающееся животное уже нависло над их головами. Их влѣк за собой змей, барахтавшийся в разъярённой пучине. Они как гордые капитаны, преданные своему кораблю, крепко вцепившись в штурвал, не давали сверкающему клыками чудовищу проглотить своё дитя. Раздался треск и они будто очнувшись по щелчку закликателя, хотели было убежать, но ужас прижал к земле и прогрызая их, смаковал, как скользкий червяк нашедший самое благородное яблоко, пока полностью не заполнил их тела, вытянул голову через горло и прикусил язык. Белый клык разрезал большие глаза. Растворив две массивные тени в подавляющей мгле бесследно исчез. Тварь плевалась слюной,

и крупные капли сливались с горькими слезами, тоненькими речушками объединяясь, образовывали более широкие мощные реки, вырезая новые глубины на лице проходящего мимо путника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.